

Н. А. Миненко

**СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ У РУССКИХ КРЕСТЬЯН
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Свадебные обряды у русского крестьянства Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. почти не нашли отражения в советской историко-этнографической литературе. Тема эта затрагивается лишь в монографии М. М. Громыко¹ в связи с выяснением роли семьи и общины в формировании и сохранении крестьянских традиций. Дореволюционными авторами в отдельных районах края собран значительный материал по крестьянской свадьбе первой половины XIX в., более ранний период не привлек их внимания. Особую ценность представляет работа С. И. Гуляева², в которой содержится детальное описание сельских свадебных обрядов Алтайского горного округа. К описанию приложено 70 текстов свадебных песен. Н. М. Ядринцев, посетивший в конце 70-х годов Барабинскую степь, оставил интересные наблюдения о свадьбах «убегом» у местных крестьян³. К тому же времени относятся и материалы по южносибирской свадьбе, приводимые Н. А. Костровым⁴. Сельские свадебные обряды в северной части Западной Сибири довелось наблюдать Н. Григоровскому⁵. Дореволюционные авторы в основном только фиксировали, но не осмыслили и не объясняли материал. Современному исследователю их работы полезны в фактологическом отношении.

Не все интересующие нас записи сибирского свадебного обряда были опубликованы. В частности, в архиве Географического общества (АГО) сохранились подробные описания свадеб у ишимских, ялutorовских, каинских крестьян, а также краткие сообщения о свадебных обрядах других округов Западной Сибири⁶. В большинстве своем — это ответы

¹ М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

² С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири. — «Библиотека для чтения», т. 90, разд. III, СПб., 1848, с. 1—46. Повторная публикация см. в кн.: «Былины и песни Южной Сибири». Новосибирск, 1952.

³ «Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ Н. М. Ядринцева в 1878 г.» — «Записки Зап.-Сиб. отдела РГО», кн. 2, Омск, 1880 (далее — Н. М. Ядринцев. Указ. раб.).

⁴ Н. А. Костров. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.

⁵ Н. Григоровский. Крестьяне-старожилы Нарымского края. — «Зап. Зап.-Сиб. отдела РГО», кн. 1, Омск, 1879, с. 23—25; *его же*. Очерки Нарымского края. — «Зап. Зап.-Сиб. отдела РГО», кн. 4, Омск, 1882, с. 4—30. В 1880 г. в РГО из Томска Н. Костровым была прислана статья «Крестьянская свадьба в Нарымском крае». Статья представляла собой простую компиляцию названных работ Н. Григоровского (см. АГО, разряд (далее — р.) 62, оп. 1, д. 19). Хотя сам Н. Костров лишь оговаривался вскользь, что его статья «составлена по сведениям, собранным почтенным Н. П. Григоровским» — там же, л. 1.

⁶ АГО, р. 55, оп. 1, д. 36; р. 61, оп. 1, д. 10, 23, 29; р. 62, оп. 1, д. 3, 8; р. 66, оп. 1, д. 1.

местных священников (датируемые 40—60 гг. XIX в.) на анкету по сбору этнографических сведений, рассылавшуюся Русским географическим обществом (РГО) в 1848 и 1853 гг. В литературе⁷ уже указывалось на ценность содержащейся в подобных ответах информации.

Среди материалов РГО особо следует упомянуть работу Н. Абрамова «Ялуторовский округ Тобольской губернии»⁸, частично опубликованную⁹. Запись свадебного обряда не вошла в публикацию.

Элементы характеристики свадебных обрядов сельских жителей Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. содержатся также в делах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного исторического архива (ЦГИА), архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ), Ленинградского отделения архива Академии наук СССР (ЛО ААН), Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Главным образом это судебно-следственные материалы, включающие типологически разнородные источники: доносы церковников, сообщения светской администрации, челобитные сибиряков, протоколы допросов. Сомневаться в их достоверности в данном случае нет оснований: вкрапленные в сообщения обвинителей и ответчиков данные о крестьянских свадебной обрядности никак не могли сказываться на результатах следствия — не было, таким образом, причин для сознательного искажения действительной картины.

О связанных с сельскими свадьбами суевериях оставил краткие заметки геодезии поручик Иван Шишков — автор ответов на анкету В. Н. Татищева (1737 г.)¹⁰ по Томскому и Кузнецкому уездам¹¹.

Изучение свадебного обряда сибирских крестьян в XVIII — первой половине XIX в. важно не только для воссоздания картины народного быта, выявления характерных черт общественного сознания сибиряков, но и для понимания этнокультурных связей русского населения Зауралья с жителями Европейской России.

Подобно свадебной обрядности крестьян Европейской части страны, сибирская сельская свадьба XVIII — первой половины XIX в. делилась на три основных периода: досвадебный, собственно свадебный и после-свадебный. Каждый из них в свою очередь состоял из отдельных законченных частей. Число, последовательность, а иногда и содержание этих частей различались, как будет показано, в зависимости от конкретных обстоятельств: территории, времени и формы («добром» или «убегом») заключения брака.

Во всех случаях свадебный обряд начинался со сватовства. Выбор супруга в феодальной Сибири у крестьян мог осуществляться и самой молодежью, и родителями¹². Если брак совершался «добром», т. е. с обоюдного согласия не только жениха и невесты, но и их родителей, последние играли во время сватовства активную роль. Родители жениха приглашали сваху (реже свата) и поручали ей предварительные переговоры с родителями невесты¹³. Случалось, отец жениха сам «высватывал» сыну невесту или поручал это своему родственнику¹⁴. Чаше же

⁷ М. М. Громыко. Указ. раб., с. 14—18.

⁸ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23 (1863 г.).

⁹ «Тобольские губернские ведомости», 1864, № 26—28.

¹⁰ Об этой анкете см.: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. М.—Л., 1965, с. 314—323; М. М. Громыко. Указ. раб., с. 11, 12.

¹¹ ЛО ААН, ф. 21, оп. 5, д. 150.

¹² Н. А. Миценко. Брак у русского крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.— «Сов. этнография», 1974, № 4; АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 14; р. 66, оп. 1, д. 1, л. 3 об.

¹³ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 2; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 51; д. 29, л. 1; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 14.

¹⁴ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 14.

«сватовщики» не находились в родственных связях с брачащимися. По архивным документам известно, что посторонние лица выступали в роли сватов при заключении браков рассматриваемого типа и в XVIII в.¹⁵ Поскольку в феодальной Сибири невесту нередко «добывали» с трудом (из-за противодействия ее родителей и по другим причинам¹⁶), то «доброму» жениху важно было получить возможно более «квалифицированного» свата, что служило известной гарантией успеха при предварительных переговорах с отцом и матерью девушки.

Однако с середины XIX в. ситуация изменилась: сватать стали преимущественно родственники (иногда родители) жениха или невесты, да и сам обряд сватовства упростился¹⁷. Видимо, сказалось влияние «беглых свадеб». По утверждению наблюдателей, с середины XIX в. «добром» заключались лишь немногие браки, остальные — «убегом»¹⁸. А при браке «убегом» (без воли родителей невесты) естественным было желание жениха привлекать к «заговору» — в частности на роль сватов — наиболее близких людей, прежде всего родственников. Так, в 1786 г. крестьянин Копытов (Тюменский уезд) поручает «высватать тайно» за него «девку» Арину Зеленовскую своему отцу — Алексею Копытову¹⁹. В 1827 г. на свадьбе беглой «женки» Прасковьи Назаровой и Данилы Ащеулова (Кузнецкий округ) свахой была тетка жениха²⁰. Н. М. Ядринцев также констатирует, что при браке «убегом» у барабинских крестьян родственники жениха (иногда его знакомые) сначала «подговаривают» невесту²¹. Внедрению в быт обычая возлагать сватовство при браке «убегом» на родственников благоприятствовало и то обстоятельство, что от таких сватов не требовалось знания всех тонкостей поручаемого им дела; они должны были лишь уговорить девушку бежать из родительского дома.

Справедливо требует отметить, что и в Европейской России, где «беглые свадьбы» не имели столь широкого распространения, как в Сибири, сватами чаще всего также были родственники²². Последнее, однако, вызывалось иными причинами: к западу от Урала при заключении браков гораздо большее значение, чем в Зауралье, имели моменты экономического характера²³, и сват-родственник активнее отстаивал материальные интересы жениха.

При свадьбе «убегом» ритуал сватовства сводился к тому, что сваха «советовала» девушке «выттить замуж» за определенного человека и «хвалила при том ево состояние»²⁴. Иначе проходило сватовство «добром». В этом случае сваха строго соблюдала «все необходимыя для успеху в таком случае условия»²⁵. Входя на крыльцо дома невесты, она непременно ступала на первую ступеньку правой ногой и произносила при этом определенную заклинательную формулу — у южносибирских

¹⁵ ТФ ГАТО, ф. 156, 1762 г., д. 77, л. 13, 13 об.; 1796 г., д. 8, л. 7, 7 об.

¹⁶ Н. А. Миненко. Указ. раб., с. 43, 46, 48, 49; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 21.

¹⁷ Н. А. Костров. Указ. раб., с. 15; Н. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 4; ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 20; АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 1.

¹⁸ Н. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 4; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 16; М. Швецова. Из поездки в Риддерский край. — «Записки Зап.-Сиб. отдела РГО», кн. 25, Омск, 1898, с. 14—16; АГО, р. 55, оп. 1, д. 92, л. 10.

¹⁹ ЛОИИ, ф. 187, оп. 2, д. 151, л. 70, 71.

²⁰ ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 22, д. 698, л. 7—20.

²¹ Н. М. Ядринцев. Указ. раб., с. 27.

²² П. С. Богословский. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. — «Пермский краеведческий сборник», вып. III, Пермь, 1927, с. 5, 6; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973, с. 135.

²³ Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Указ. раб., с. 135; Н. А. Миненко. Указ. раб., с. 45, 50; «Домовая летопись, писанная капитаном Андреевым в 1789 году». М., 1871, с. 20.

²⁴ ТФ ГАТО, ф. 156, 1796 г., д. 8, л. 7.

²⁵ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 2.

крестьян, например, такую: «Как нога моя стоит твердо и крепко, так слово мое будет твердо и лепко; тверже камня, лепче клею и серы (сосновой), острее булатного ножа; что задумано — да исполнится»²⁶. Через порог сваха также переступала сначала правой ногой. Дружка (главный распорядитель на свадьбе) впервые переступал порог дома невесты также правой ногой, с приговорной формулой: «скок через порог, едва ноги переволок, мохнатый зверь да на богатой двор...» (Ишимский округ)²⁷.

Войдя в избу, сваха усаживалась на переднюю лавку непременно под матицей (бревном, поддерживающим потолок)²⁸. «Как же... не под матицу сесть,— говорили сибиряки,— ведь под матицу не сядешь, так и в семье связи и ладу не будет»²⁹. Это условие соблюдалось при сватовстве и в Европейской России³⁰.

Помолчав или заведя «какой-нибудь незначущий разговор», сваха, наконец, обращалась к прямой цели своего посещения. Обязательно «взвеличав» отца и мать невесты по имени-отчеству, она произносила традиционный приговор: «Я пришла с добрым словом, со сватаньем»; «у вас есть товар, а у Петрована Микулаевича и Окулины Онтоновны есть купец; у них есть сын хороший, добрый молодец, а у вась дочь, красна девица...»³¹. Как видно из приведенной записи Н. Абрамова, в Ялуторовском округе бытовало сочетание двух противопоставленных друг другу форм приговора («я пришла с добрым словом, со сватаньем» и «у вас товар, у нас купец»). Отмеченный факт характерен и для Алтая³². В других же районах Западной Сибири употреблялась та или другая часть приведенной выше формулы: первая — на юге — у бухтарминских «каменщиков», у крестьян Каинского округа, в районе Томска; вторая — в Притоболье³³. Обе формулы приговора пришли в Сибирь из Европейской России³⁴.

Родители невесты сначала обычно отказывали свахе, отговариваясь тем, что и невеста не доросла до замужества, и приданое не готово. Иногда сваты несколько раз посещали семью невесты, прежде чем добились успеха³⁵. Спротивление отца и матери девушки в начале сватовства объяснялось разными причинами, в том числе и традиционным мотивом борьбы за невесту. Случалось, что родители действительно не были согласны на брак (не желали лишиться работницы, стремились избежать расходов на свадьбу и пр.) и лишь под давлением различных обстоятельств позднее примирились с ним³⁶.

²⁶ Там же. Похожим был текст наговора свахи в Енисейском крае в середине XIX в.— См. М. М. Громыко. Указ. раб., с. 249.

²⁷ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 9. Аналогична формула приговора алтайского дружки.— См. С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 35.

²⁸ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 2; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 51; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 14 об.

²⁹ М. М. Громыко. Указ. раб., с. 250.

³⁰ А. Смирнов. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877, с. 233; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Указ. раб., с. 136.

³¹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 51.

³² С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 2.

³³ А. Белослюдов. Свадебный ритуал «каменщиков» (Материалы по этнографии за сельщиков Бухтарминской долины).— «Зап. Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отдела РГО», вып. 7, Семипалатинск, 1913, с. 1; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 15; М. Костюрина. Крестьянская свадьба в подгородных деревнях г. Тобольска.— «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. IX, Тобольск, 1898, с. 2; АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 14 об.

³⁴ О бытовании этих формул на Европейском Севере см.: А. В. Гура. Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда.— «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», Л., 1974, с. 177.

³⁵ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 2, 3; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 15, 17; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 51, 51 об.; д. 29, л. 1.

³⁶ Н. А. Костров. Указ. раб., с. 15, 17; Н. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 4—7.

При успешном сватовстве назначался день рукобитья — сговора. Обычай этот — общий для всей России³⁷. Рукобитье происходило в доме невесты: на него обычно приглашали только ближайших родственников с обеих сторон и сватов³⁸. Но у ишимских крестьян присутствовали при этом и девушки — подружки невесты³⁹.

Сначала велись переговоры между отцами невесты и жениха о свадебных расходах и подарках. «Родитель невестин, — сообщает каинский священник П. Шалабанов (1848 г.), — выговаривает с жениха ведра два или три вина... себе бутылки, жене конец китайки на сарафан и всем кровным своим, дочке или невесте 100 р. асс. денег на поправку...»⁴⁰. У ишимских крестьян в это время самые бедные крестьяне требовали с семьи жениха 9 руб. серебром и ведро вина, «средственные» — 20 руб. и два ведра вина, зажиточные — 30 руб. серебром и три-четыре ведра вина⁴¹. Деньги, о которых шла речь на рукобитье, назывались «калымом» («В язык наших крестьян, — замечает об этом слове ишимский священник П. Лелехин (1848 г.), — оно вошло от киргиз, которые живут около нас»⁴²) или «запросом»⁴³. Отметим, что в документах XVIII в. и в подробных описаниях С. Гуляева и Н. Абрамова крестьянских свадеб на Алтае и в Ялуторовском округе нет указаний на заключение во время рукобитья сделок экономического характера; возможно, обычай этот возник в Западной Сибири сравнительно поздно и не был распространен повсеместно.

Договорившись с гостями, родители невесты зажигали перед иконами восковые свечи; отцы «невестин и женихов» подавали друг другу правые руки, «покрыв их платком», а «сватовщик разнимал у них руки»⁴⁴. У ялуторовских и алтайских крестьян по рукам «били» отец невесты и сваха (сват), а разнимал их один из присутствовавших родственников⁴⁵. Вся эта процедура происходила в присутствии жениха. Лишь у ишимских крестьян жених не приглашался на рукобитье⁴⁶. Невеста, по сообщению С. Гуляева, во время «битья по рукам» находилась в другом помещении или здесь же, но в закутке, за занавеской⁴⁷. У ишимских крестьян девушка была непосредственной свидетельницей «рукобитья». Ее обязанность — всячески препятствовать сговору⁴⁸. После «рукобитья» ишимская невеста дарила свой «плат» будущему свекру. Во всех случаях заканчивалось рукобитье угощением и пением «приличных» песен. Когда сватали вдову или же брак совершался «убегом», все рукобитье состояло в соединении рук жениха и невесты⁴⁹. Позднее эта традиция стала распространяться и на свадьбы, совершавшиеся «добром».

Смысл описанного обряда заключался в торжественном закреплении обещания самой девушки, ее родителей и близких родственников «породниться» со стороной жениха. Для этого совершалось «рукобитье» (соединялись руки), зажигались восковые свечи. Платок, фигурировавший при рукобитье, — предметный символ «девичества» и, следовательно, имел непосредственное отношение к существу договора. Кстати,

³⁷ См. С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России, т. 2. СПб., 1879, с. 49 и др.

³⁸ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 3; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 22; Н. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 9.

³⁹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 1 об., 2 об.

⁴⁰ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 15, 15 об.

⁴¹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 1.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 124; ТФ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 4442, л. 1.

⁴⁵ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 51 об.; С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 3.

⁴⁶ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 1, 2 об.

⁴⁷ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 3.

⁴⁸ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 1 об.

⁴⁹ ТФ ГАТО, ф. 156, 1765 г., д. 145, л. 1, 2; ф. 47, оп. 1, д. 4425, л. 17.

именно платок нередко выступает в роли задатка, который обязательно дает невеста жениху при свадьбе «убегом»⁵⁰. Впрочем, уже в XVIII в. женихи, не полагаясь иногда на силу символов, требовали от невест и более существенного в материальном отношении задатка. Так, в 1765 г. крестьянская дочь Варвара Захарова, согласившаяся выйти тайно за односельчанина Андреяна Андреевских, «по требованию ево... для вероятия, чтоб ей в замужество неотменно за него итти, в ночное время дала ему своих три рубашки, сарафан китайчатой и три холстяных дубаса»⁵¹. Н. Костров сообщает, что в 60-х годах XIX в. в томских деревнях девушки давали женихам задаток (часто платок) и при свадьбе «добром»⁵². Возможно, мы опять имеем дело с влиянием «беглых» браков на сибирскую свадебную обрядность. Последний вывод, в частности, напрашивается потому, что задаток, случалось, давался «тайно».

«Нарушить рукобитье... считается бесчестным и заслуживающим порицания», — пишет тот же Костров⁵³. Архивные материалы подтверждают, что выдать дочь замуж после рукобитья за другого жениха означало, по мнению крестьян, поступить «воровски». В 1716 г. кузнецкий пашенный крестьянин Иван Климов жаловался уездным властям, что он «высватал за сына своего Прокофья у пашенного ж крестьянина у Семена Беляева дочь ево Софью при свидетелях... и при них он, Иван, с ним, Семеном... и по рукам бил, а после того вскоре он, Семен Беляев, тое просватанную свою дочь выдал воровски тайно замуж за инаго крестьянина за Омеляяна Иванова...»⁵⁴.

Местные власти в подобных случаях руководствовались обычным крестьянским правом и призывали виновных к ответу. Любопытно, что даже выдача девушкой «тайному» жениху символического задатка — платка — при ее последующем отказе бежать из дома считалась достаточным основанием для обращения в официальный суд. В 1786 г. тюменский крестьянин Алексей Копытов сообщал уездному исправнику, что крестьянская дочь «девка Орина Зеленевская» дала «в залог для выходу за сына ево в замужество» «плат бумажный», и он «в надеянии того ее обещания на варенье пив и разные приуроченные припасы издержал денег пять рублей». Ныне же «та девка от того ее выходу отрекаетца»⁵⁵. Исправник приказал подчиненным разобраться в деле и, если жалоба подтвердится, взыскать с «девки» в пользу Копытовых пять рублей.

Отметим, что в начале XVIII в. само «битье по рукам» свата и отца невесты происходило «на просватанье»⁵⁶; за этим следовал «зговор» между отцом невесты, женихом и, видимо, отцом последнего в присутствии свата. «В нынешнем 1704 году, — рассказывал тюмонец Федор Стафеев, — посылал Агафон Нарымкин свататца на дочери моей девице Софье... Родиона Яковлева Макаровых, и я с ним, Родионом, по любовному договору бил... по рукам, что мне за Агафона дочь мою выдать в замужество, и будучи он, Родион, с ним, женихом, в дом ко мне на зговорни завтрее Ильина дни, и на зговор он, Агафон, не пошел и в то время мне убытки учинил...»⁵⁷. Со временем отмеченный обмен рукопожатиями выделяется из обряда сватовства, сливается со «зговорнями» и получает общее для всей Западной Сибири название «рукобитье» (кроме «каменщиков», у которых последний обряд именовался «зарученьем»⁵⁸).

⁵⁰ ЛОИИ, ф. 187, оп. 2, д. 151, л. 70, 71; ТФ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 4425, л. 17.

⁵¹ ТФ ГАТО, ф. 156, 1765 г., д. 145, л. 1, 2.

⁵² Н. А. Костров. Указ. раб., с. 21, 22.

⁵³ Там же, с. 22.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 124.

⁵⁵ ЛОИИ, ф. 187, оп. 2, д. 151, л. 71, 71 об.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 124; ТФ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 4422, л. 1.

⁵⁷ ТФ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 4422, л. 1.

⁵⁸ А. Белослюдов. Указ. раб., с. 1, 2.

При браке «убегом» после рукобитья вскоре следовало венчание⁵⁹. Когда же свадьба совершалась «добром», вслед за рукобитьем следовало «смотренье».

С. Гуляев определяет «смотренье» как «торжественное обоюдное представление жениха и невесты будущим родственникам»⁶⁰. Можно, однако, утверждать, что смысл обряда — в «смотрении» женихом невесты. В документе 1704 г., например, сообщается о сватовстве тюменца Агафона Нарымкина к «девице» Софье Стафеевой: «...и после того время, — жаловался отец невесты, — он, Агафон, послал ко мне того же... свата Родиона Макарова... чтоб ему, Агафону, дочь мою смотреть и после смотренья того ж дни взять в замужество. И будучи он, Агафон, в дому у меня со сватом и з зятем своим родным и з сестрою своею родною, и я дочь свою на смотренье выводил, и дочь мою он, Агафон, смотрел и со смотренья он, Агафон, из дому моего бежал...»⁶¹. Как правило, молодые впервые встречались на «смотренье» в качестве жениха и невесты. В Ишимском округе этот обряд сохраняет первоначальное значение до середины XIX в. Здесь жених приезжал в дом к невесте в сопровождении сестры или «хресной» дня через три после рукобитья (на котором он не присутствовал). Их встречали родители невесты, она сама и ее подружки. Родители «доходят до самых саней, а невеста... остается на крыльчке, и, как только жених поклонится, невеста наперед всех уходит в горницу и садится за занавесу»⁶². Затем в горницу входили жених со своей сестрой и все встречавшие их. Гость молился богу, кланялся всем и усаживался на лавку. Вскоре «девицы» — подружки невесты — приглашали жениха за занавесу. Когда жених входил в закуток, невеста подавала ему рюмку вина, дарила платок, а он отдаривал ее деньгами⁶³. Затем девушки приглашали за занавесу спутницу «женихову», которой невеста также подавала вина, дарила шаль и получала в качестве «отдарка» деньги. Наконец, гостей угощали за столом хлебом-солью, вином, пряниками, орехами. Провожать их выходили все присутствовавшие. На крыльце невеста дарила жениху «бранья вожжи». Подруги ее садились к жениху в сани; он провозил их вдоль улицы. Девушки пели «разныя проголосныя песни». Сани подкатывали снова к крыльцу дома невесты, девушки шли в горницу, а жених уезжал к себе. В ишимских деревнях это свидание молодых называлось «маленьким смотреньицем»⁶⁴.

С появлением жениха на рукобитье смысл «смотренья» утратился, и кое-где оно вообще исчезло (например, в Каинском округе к 40-м годам XIX в.) или слилось с последующим обрядом «девишником» (в Ялуторовском округе)⁶⁵. На Алтае, где «смотренье» сохранялось и в первой половине XIX в., оно во многом дублировало рукобитье⁶⁶. Здесь после окончания «смотренья» жених приглашал родителей невесты и ее родственников к себе и угощал их «вечерним столом». Вообще в сибирском крестьянском свадебном обряде приходится постоянно встречаться с подарками и «отдарками», с взаимными угощениями сторон. В этой связи встает вопрос о содержании дарения и угощения на свадьбе. Нам уже приходилось писать о сущности дарения⁶⁷. Корни этого явления — в институте коллективной взаимопомощи. Подарок в древности был

⁵⁹ ТФ ГАТО, ф. 156, 1765 г., д. 145, л. 1, 2 об.; Н. М. Ядринцев. Указ. раб., с. 27.

⁶⁰ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 7.

⁶¹ ТФ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 4422, л. 1, 1 об.

⁶² АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 53 об.

⁶³ Там же, л. 3 об.

⁶⁴ Там же, л. 3 об., 4.

⁶⁵ Там же, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 52 об., 53; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 15 об., 16 об.

⁶⁶ Ср. С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 3, 8, 9.

⁶⁷ Н. А. Миненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. (Историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975, с. 212, 213.

символом, клятвой дарителя в готовности оказать одариваемому во всякое время необходимую поддержку. Получив ответный подарок, даритель тем самым принимал соответствующее заверение от одаренного. Так что ценность подарка заключалась не в нем самом, а в том символическом значении, которое ему приписывалось. Видимо, именно такую роль играли подарки (и угощение) при заключении крестьянских браков. К подобному утверждению, кстати, близок А. Смирнов. «Свадебные дары и отдаривания,— пишет он,— служили... для выражения взаимной дружбы и расположения двух до того чужих, нередко враждебных родов...»⁶⁸.

После «смотренья» обе стороны деятельно готовились к самой свадьбе: варили пиво, запасали «разныя кушанья», мыли избы. «Особенно замечательно,— пишет ишимский священник П. Лепехин (1848 г.),— мытье избы у жениха». Собирались знакомые женщины и девушки, скоблили ножами полы, стены, потолки — все это «с пением разных песен». «Мытниц» угощали хлебом, солью и вином, прокатывали на конях по улицам, а они распевали громко «проголосныя песни», и остальные жители села «догадывались», что у жениха «мыли избы»⁶⁹.

Подруги невесты, гостившие в ее доме от рукобитья до венчания, шили приданое, пели «разныя свадебныя песни». Сама невеста проводила это время «в слезах и вытье»⁷⁰. Нередко обрядовое «вытье» невесты связывают с тягостными представлениями девушки об ожидающих ее тяжелом труде, притеснениях со стороны будущих родственников. Между тем замужество было желанным для девушек событием — как же в противном случае объяснить мотивы самовольного и довольно часто бегства взрослых дочерей из родительского дома? «Матушка Парасковья, пошли жениха поскорее», — записал в середине XIX в. Г. Потанин поговорку, распространенную на Иртыше⁷¹.

Накануне венчания в доме невесты происходил девичник. На Алтае он включал обед, в котором участвовали невеста и ее подруги; пересылку приданого с «постельницей» в дом жениха; обрядовое расплетание косы невесты; традиционную баню; вечеринку — с участием жениха, его родных и близких, поезжан⁷².

В Ялуторовском и Ишимском округах девичник начинался с «бани»⁷³ (на Алтае перед «баней» был «обед»). Идти в баню невеста благословлялась у отца и матери. Она просила отца, мать, братьев и сестер расплести ей косу. Каждый из них под причитание девушек-подруг расплетал часть косы, до конца расплетали сами девушки. Затем невеста с подругами отправлялась в баню⁷⁴.

В бане невесту мыли подруги. Они брали с головы невесты мыльную пену, «хлопали ее ладонями, и на которую девицу улетит пена, та, по замечанию их, в этот же год должна выйти в замужество» (Ишимский округ)⁷⁵. По возвращении из бани невеста опять «выла», просила, чтобы мать почесала ее «буйну голову... тихошенько да помалешиньку», а девушки заплели бы ей косу: «...Теперь-то моя девья красота... обернется... ласточкой косаточкой, полетит-то моя девья красота водалече во чисто поле, на кустички на ракивовы. А поедет чужой чужанин на своем добром коне и подстрелит мою девью красоту, а ко мне-то, горемышной,

⁶⁸ А. Смирнов. Указ. раб., с. 178.

⁶⁹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 4.

⁷⁰ Там же, л. 2 об.; С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 17.

⁷¹ Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — «Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом», вып. IV, СПб., 1864, с. 121.

⁷² С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 24—26.

⁷³ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 52, 52 об.; д. 29, л. 4.

⁷⁴ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 24—26.

⁷⁵ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 4.

придет бабья старость, костылями подпирается и ногами заплетается»⁷⁶.

На этом девичник в ишимских деревнях заканчивался. В других же районах (Алтай, Каинский округ, Ялutorовский округ, Нарымский край)⁷⁷ был еще «девичий вечер». К концу дня в дом невесты приезжал жених со своими родными, близкими, поезжанами. Здесь происходило «смотрение» невесты (если оно не предшествовало девичнику). Жених привозил дары для невесты, вино (в Каинском округе еще пшеничные «каральки»), угощал всех. Девушки пели «величания» молодым, их родителям, тысяцкому, дружке, свахам и получали за это от них подарки⁷⁸. Появление жениха на девичнике не связано прямо с сущностью обряда. Видимо, этот элемент вошел в обряд в сравнительно позднее время. Не случайно на Алтае действия лиц, участвовавших в девичнике (со времени приезда жениха), повторяли то, что уже было раньше на «рукобитье», «на смотре» (повторялись даже песни)⁷⁹. В Ишимском округе, где крестьянская свадьба сохранила, по нашему мнению, наибольшую архаичность, посещение женихом (в сопровождении родителей, родных, близких и поезжан) дома невесты (происходившее в других районах в конце девичника) являлось уже частью собственно свадебного обряда — «поезда за невестой»⁸⁰.

В день этого посещения у жениха собирались все приглашенные на свадьбу с его стороны и формировался окончательно «храбрый поезд» — свита «молодого князя» — жениха. Главным действующим лицом в «поезде» был дружка. В Сибири им мог стать родственник жениха, но чаще дружку приглашали специально. Дружка, как правило, должен был уметь «ворожить» (впрочем, в ишимских деревнях функции «ворожея» — знахаря — мог выполнять специальный человек, входивший в свадебный «поезд» — «вежливец» или «сторож»⁸¹), а таких в родне имел далеко не каждый. Один и тот же человек выступал часто в роли дружки на многих свадьбах. Так, солдатский сын Гаврило Рожнев (Ишимский округ) бывал на многих «крестьянских свадьбах друшкой, якобы для предосторожности, чтобы не приключилось какого вреда, налеплял бывшим при том людям на кресты воск, читая при том молитву, почему простой народ и почитал его вроде колдуна»⁸². Кстати, человек, в одних случаях обретающий «свадбу „от порчи“, в других сам мог ее напускать». «Волшебник» села Вагайского Корнило Попов «похвалялся» перед женой местного «пищика» Гурия Добрынина: «Видела ты, Христина, Тимофеева дочь, когда Карпа Харьшева давали дочь Дарью замуж за монастырского крестьянина Егора Первухина, что де я зделал над конми, как из двора не пошли и стали дуреть и на дыбы скакать». Тот же Попов не раз ездил в свадебных «поездах» в качестве «сторожа»⁸³. Дружку боялись и почитали. «Как задумат хто свадьбу, — говорил крестьянин Тобольского округа Козьма Мороков, — идет к дружке, зовет и кланятца ему в ноги»⁸⁴.

В помощь дружке назначался «подружье». Начальником свадебного «поезда» считался тысяцкий (обычно родственник жениха или его крестный отец) — лицо почетное, но малодействующее. Входили в свиту жениха также «бояре» (или «барыны») — больший, средний и меньший —

⁷⁶ Там же, л. 4, 4 об.

⁷⁷ С. И. Гуляев. Указ. раб. с. 28—32; Г. Н. Потанин. Указ. раб., с. 139; Н. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 21—23; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 52 об.; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 15 об., 16.

⁷⁸ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 28—32; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 52 об.; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 15 об., 16.

⁷⁹ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 28—32.

⁸⁰ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 4 об.—10 об.

⁸¹ Там же, л. 4 об.

⁸² ТФ ГАТО, ф. 156, 1794 г., д. 19, л. 1.

⁸³ Там же, 1747 г., д. 23, л. 3—40.

⁸⁴ АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 5 об., 6.

и «княжья свашенька». Бояре самостоятельной роли на свадьбе не играли — они под названием «поезжан» лишь выступали в качестве свидетелей при венчании⁸⁵. Кроме того, в Ишимском округе в свадебный «поезд» входили «проводник» и «повозник»⁸⁶. В отношении жениха и невесты слова «князь», «княгиня» употреблялись лишь в день венчания.

В Ишимском округе «поезд» за невестой отправлялся из дома жениха в день девичника; в других районах — в день венчания⁸⁷. Перед отъездом был «стол», где распорядителем являлся дружка. Пиршество заканчивалось, как только гостям выносился сырой гусь. Дружка просил отца и мать жениха благословить «своего милого чада... ехать... по сужено по ряжено, и сужено ряжено понять, и к Божией церкви предстать, и под злат венец стать...»⁸⁸. Родители благословляли сына хлебом-солью (только в Ишимском округе) и «ограждали» его по очереди «крестообразно иконою». «Поезд» по команде дружки (или вежливец) выходил на улицу. Сам дружка шел впереди с «благословенной» иконой, обходил с ней («по солнышку») три раза запряженных лошадей, затем передавал ее большому боярину, и «поезд» трогался⁸⁹. «При отправке вежливец налепляет на кресты всех, кои поедут со свадьбой, воск с какими-то тайными словами», — замечает ишимский священник П. Лепехин⁹⁰.

Обыкновенно «поезд» прибывал в деревню, где жила девушка, утром, в день венчания, и сразу же направлялся в ее дом. Но в Ишимском округе «князь» со своей свитой останавливался сначала в доме свата. Сам сват с дружкой, «погодив немного», отправлялись в дом невесты узнать, все ли там «здорово и благополучно», и просить разрешения прибыть со всем «поездом»⁹¹. В других районах края это предварительное «проведывание» невесты дружкой происходило перед отправкой «поезда» из дома жениха⁹².

В Ишимском округе, когда «поезд» прибывал к невесте, начиналось новое «смотренье». Жених и его спутники, войдя в избу, «раскрывали» скатерть и усаживались сразу за стол; подавали при этом на стол все свое: «каральки», пироги, вино, стакан, ножик, свечу, подсвечник, даже огонь, «ибо случается, что, если оробеет дружка до поезда войти в избу и взять на свою свечу огня с свечи, горящей в избе невесты, то огонь погашают, и поезд должен входить в потемках»⁹³. Невеста с сестрой или подружкой выходила к гостям, делала перед иконами три поклона в пояс, кланялась на все четыре стороны и, постояв немного, опять уходила за занавеску. Тогда спрашивали потихоньку родственники у жениха, «поглянулась ли ему невеста», а у невесты — «поглянулся ли ей жених». «Если поглянулись друг другу жених и невеста, то с обеих сторон объявляют о том вслух». После этого зажигали перед образами свечи и производили окончательное «рукобитье». Начиналось угощение родных невесты вином от жениха. Невесту выводили из-за занавесы, сажали за стол рядом с женихом; дружка «переменял» у них кольца. Родители невесты и ее подруги провожали гостей в дом свата. Жених угощал провожатых вином, пряниками, орехами; переправлял с ними невесте подарки: чулки, башмаки, шубу, шаль⁹⁴.

⁸⁵ ТФ ГАТО, ф. 156, 1747 г., д. 23, л. 40, 40 об.; 1817 г., д. 544, л. 2, 2 об.; 1819 г., д. 333, л. 1—6; С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 33—46; АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 4 об.

⁸⁶ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 4 об.

⁸⁷ Там же, д. 23, л. 53; д. 29, л. 4 об.—8 об.; С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 34; Н. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 23, 24.

⁸⁸ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 7 об.

⁸⁹ Там же, л. 7 об., 8; д. 23, л. 53 об.; С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 34, 35.

⁹⁰ Там же, д. 29, л. 8 об.

⁹¹ Там же, л. 8 об., 9.

⁹² С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 34; Н. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 23, 24.

⁹³ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 9 об., 10 об.

⁹⁴ Там же, л. 10, 10 об.

Дальше события развивались примерно одинаково во всех районах⁹⁵. Началось одевание невесты к венцу. В ишимских деревнях на нее надевали рубашку и сарафан, сверху еще рубашку и сарафан. За пазуху, под нижний сарафан, клали копейку, пирог, горсть кудели и кусочек мыла, «чтобы счастливо жить в замужестве». Чулки, башмаки, шубу и шаль надевали «жениховы». Затем происходило прощание невесты с родителями, родственниками, знакомыми, приглашенными на свадьбу, и подругами. Все они собирались в горнице. Невеста падала в ноги отцу, потом матери, испрашивала их благословения, плакала навзрыд. Кланялась в ноги своим братьям и сестрам, прощалась с остальными родственниками, а в заключение — с подругами. Они между тем обращались ко всем по очереди с «припевками»:

Благослови-ко, родимый батюшка!
Награди благословеньцем...
Научи-ко, родной батюшка,
Как-то жить мне во чужих людях? и т. д.⁹⁶

Иногда это прощание невесты с родным домом происходило уже в присутствии жениха и «поезжан»⁹⁷.

Перед прибытием жениха с «поезжанами» в доме невесты за стол усаживали маленьких ребят, у которых приехавшие должны были «покупать» себе места. Жениху приходилось также выкупать у брата невесты ее косу⁹⁸, которую сваха расплетала под пенье подруг: «...Разстаюсь с тобою, косанька, и с девьей красотой своей»⁹⁹. Случались у «поезда» и другие препятствия. В Каинском уезде, например, девушки иногда прятали невесту «в середину себя» и требовали с жениха дополнительного выкупа. «Когда же приспее последнее время ехать к венчанию, — пишет местный священник П. Шалабанов, — тогда сбежавшийся на сие зрелище народ молодяжничок накрепко запирают ворота или забрасывают дровами... жених, видя сие препятствие, тоже расплачиваясь с сими людьми вином»¹⁰⁰.

Перед отправлением в церковь дружка (от имени жениха) подносил подарки родителям и родственникам невесты, угощал каждого привезенным из дома «князя» вином. На стол подавались разные кушанья; ели все, кроме жениха и невесты. Выходили из-за стола, как только ставился на него сырой гусь. Родители невесты благословляли жениха и дочь «образом» и хлебом-солью. Все усаживались в сани, и дружка (или вежливее) «отпускал свадьбу»: «налеплял» воск на кресты (в 40-х годах XVIII в. — в волосы) людям и в гривы лошадям¹⁰¹. Воск дружка запасал на целый год; брал его от свечей, которые стояли в церкви во время утреннего пасхального пения. «Потом дружка с плетью за поясом и с образом в руках, — рассказывал тобольский крестьянин Козьма Морочков, — разпельяной, ходит вокруг всех коней и телег свадебщиков... трижды и ревет... во все горло: „Христос воскрес“, как будто венчат ково...»¹⁰². Действия дружки должны были предотвратить беду — «порчу» свадьбы «лихими людьми». При отъезде «поезда» нередко стреляли в воздух из ружей¹⁰³.

⁹⁵ Там же, л. 10 об., 11; д. 23, л. 54—57; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 16, 17; С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 35—39; Н. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 26—28.

⁹⁶ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 52 об., 53; С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 32, 33.

⁹⁷ Там же, д. 29, л. 10 об.

⁹⁸ Там же, д. 23, л. 56 об.; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 16, 16 об.

⁹⁹ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 38, 39; АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 10 об.

¹⁰⁰ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 16 об., 17.

¹⁰¹ ТФ ГАТО, ф. 156, 1747 г., д. 23, л. 40 об.; ЛО ААН, ф. 21, оп. 5, д. 150, л. 83.

¹⁰² АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 6.

¹⁰³ Г. Спасский. Путешествие по южным Алтайским горам в 1809 году. — «Сибирский вестник», ч. 4, 1818, с. 97.

Ко времени возвращения «поезда» с молодыми из церкви в дом жениха сюда уже привозили от родителей невесты ее приданое (если оно не было доставлено раньше), состоявшее обычно из одежды и постельных принадлежностей, иногда — пряжи «для тканья», некоторого количества зерна, нескольких голов скота¹⁰⁴. Новобрачных встречали песнями. Отец и мать жениха (у ишимских крестьян также его «хресной и хресна») у крыльца благословляли молодых иконой, хлебом и солью. В Каинском округе сваха посыпала головы новобрачных хмелем, случалось, также овсом и маком.

Тысяцкий вводил молодых в дом — невеста переступала, таким образом, черту, отделявшую ее прежний девичий мир от нового — мира домашней жизни замужней женщины. У каинских крестьян на столе бывала к этому моменту «приготовлена навареная свиная голова, вся украшенная и испещренная настриженными бумагами разных красок»¹⁰⁵.

Перед началом свадебного «пира» происходило «окручивание» молодой; свахи, закрыв ее от посторонних глаз, заплетали ей волосы в две косы и, «окрутив» их вокруг головы, надевали сверху кокошник и повязывали платок. Затем новобрачным подавалось зеркало, они смотрелись в него и целовались¹⁰⁶.

Наконец, начиналось угощение всех присутствующих, в том числе приглашенных заранее гостей, обедом. После третьего-пятого блюда молодых вводили в приготовленное помещение — «на подклет»¹⁰⁷.

На следующее утро сваха и дружка поднимали молодых. Те выходили к гостям, все поздравляли их, пили за их здоровье, пели и веселились. Сваха, сняв с «молодухи» рубашку, отправлялась с дружкой или тысяцким к отцу и матери невесты. Их благодарили за хорошее воспитание дочери (если были к тому основания) и приглашали на торжество в дом молодого. В этот день здесь собирались все родные и близкие с обеих сторон, и угощение их продолжалось иногда более десяти часов¹⁰⁸.

У ишимских крестьян молодых перед большим «столом» водили в баню — для «очищения». Баню топили «для смеху» голиками, вместо горячей воды «употребляли снег». В бане молодая угощала провожатых пивом и вином. Этот обряд назывался здесь — «быть у молодой на белилах». Тут, по словам очевидца, случалось «довольно шуток». В баню на клюке или помеле «приезжала» свекровь — в мохнатой шапке и в шубе «вверх шерстью» (в целях все того же «благополучия и плодородия»), в штанах или ченбарах, с колокольчиком и плетью. Молодая дарила ей в бане рубаху, надевая подарок прямо на шубу и кланяясь, а свекровь при этом стегала «молодуху» плетью¹⁰⁹. Шутки, комедийные сцены, смех, в обилии присутствовавшие на заключительном этапе свадьбы, были «социальным, коллективным ощущением непрерывности жизни»¹¹⁰.

В этот же день (у ишимских крестьян — на третий день после венчания) «молодуха» выметала специально натасканную в избу солому. И чем «более ее выносит из избы, тем более ее прибывает. Тогда молодая догадывается и всех в избе цалует, и ее мучат до утомления». Гости бросали в солому деньги — в дар молодой¹¹¹. Обычай подметания избы (выметания соломы) был, по свидетельству А. Смирнова, распространен и в других районах России¹¹².

¹⁰⁴ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 11, 11 об.; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 17 об.; ГАНУ, ф. 105, оп. 1, д. 2, л. 163; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 24.

¹⁰⁵ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 17 об.

¹⁰⁶ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 58 об., 59; д. 29, л. 11 об.; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 18.

¹⁰⁷ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 18; р. 61, оп. 1, д. 23, л. 59 об., 60 об.; д. 29, л. 12; С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 46.

¹⁰⁸ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 46.

¹⁰⁹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 12, 12 об.

¹¹⁰ См. М. М. Громыко. Указ. раб., с. 99.

¹¹¹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 61 об., 62; д. 29, л. 12 об., 13; р. 66, д. 1, л. 3 об.

¹¹² А. Смирнов. Народные способы заключения брака. М., 1878, с. 11.

На третий день после венчания молодая пекла блины и угошала ими всех, участвующих в свадебных торжествах. Они же ей «на блины дарят кто что поусердствует»¹¹³.

По окончании «пиршеств» у молодого следовали «хлебины» — угощение в доме родителей невесты. Сюда приезжали новобрачные, созывались родственники и знакомые. Последние в свою очередь устраивали в своих домах «столы» с приглашением молодых и всех «свадебщиков». Гуляние продолжалось в течение нескольких дней¹¹⁴.

В случае брака «убегом» «пир» в доме новобрачного шел описанным выше порядком, но в отсутствие родителей невесты¹¹⁵. Переговоры с ними велись позднее, чаще на масленицу, в «прощеные дни». Отец и мать ее сперва не сдавались, «куражились», но в конце концов примирялись с молодыми и сватами. Молодые привозили вино, созывались родные и знакомые, и начинался «пир» у родителей невесты. В конце «пира» передавалось приданое¹¹⁶.

В целом приведенный материал свидетельствует о наличии локальных особенностей традиционной крестьянской свадьбы в разных районах Западной Сибири. Видимо, «классическими» могут считаться свадебные обряды ишимских крестьян, сохранившие во многом и к середине XIX в. первоначальное содержание и значение. В других же рассмотренных районах свадебный обряд трансформировался в большей степени под влиянием, в частности, «беглых» браков, имевших в крае широкое распространение. При всем том есть основания говорить о едином западно-сибирском варианте общерусского свадебного обряда.

¹¹³ АГО, р. 61, оп. 1, д. 1, л. 3 об.; д. 29, л. 12 об., 13.

¹¹⁴ Там же, д. 29, л. 13; *Н. Григоровский*. Очерки Нарымского края, с. 30.

¹¹⁵ *Н. М. Ядринцев*. Указ. раб., с. 27—29; *Н. Григоровский*. Крестьяне-старожилы Нарымского края, с. 23, 24.

¹¹⁶ Там же.